

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8.

*«Птица, ищущая приют»
Птица верности Умай мир покинула земной,
Где свила гнездо себе, где нашла приют какой?»
Гатран Тебризи.*

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Но, прежде чем рассказать читателям нашей газеты, о том какие тайны раскрывает автор книги в четвёртой главе, хочу обратить ваше внимание на то, что каждую из предыдущих глав автор завершает, как и первую, словами, возносящими героев своего повествования на недосыгаемую для простого смертного высоту. Вторая глава закрывается, к примеру, такими словами: «Исмаил ибн Ясар – первый наш поэт-бунтарь, бросивший вызов своей неласковой эпохе. Тринадцать веков назад он поднялся над временем в полный рост и останется таким в веках – высоким titanом, возвышающимся над хребтами минувших столетий. Возвышаясь, он будет возвышаться и нас!»

А вот окончание третьей главы: «Много героев прогарцевали, промчались по этому бrenному миру на крылатых скакунах. А Бахлул-ведун пронёсся на тростниковой «лошадке». С мудрой усмешкой, с шутками-прибаутками. Погоняя хворостинкой «лошадку» свою, иронизируя над собой. Вспомните его, если запомнотавали, когда в последний раз смеялись над собой. И тогда легче будет жить».

И пусть вас не удивляет то, что я чаще всего не рецензирую главы книги, а знакомя читателя с их бесценным содержанием, расширяя ваш кругозор, заполняя белые пятна багажа ваших знаний результатами кропотливого исследовательского труда академика Рафаэля Гусейнова.

А посвящается она Гатрану Тебризи – второму поэту обретшему покой в старом некрополе в Тебризском квартале «Сорхаб», где покоятся такие блистательные уstadы слова, как Муджиреддин Бейлагани, Хагани Ширвани, Зульфигар Ширвани, Хумат Тебризи, Магриби Тебризи, Лисани Ширази, Шакиба Тебризи.

«Начало мартирологии положили учёный и поэт XI века Асади Туси. Но одинокий приют поэта ещё не придавал кладбищу статус пантеона. Это место обрело значимость священного уголка в 1088 году, когда здесь предали земле ушедшего из жизни Гатрана Тебризи. Именно с его захоронения некрополь стал известен как «Усыпальница поэтов», – пишет Р.Гусейнов на 99-й странице своей книги.

Итак, тема этой главы – «первый знаменитый азербайджанский поэт, заблудившийся в созвездии персоязычных творцов слова, автор «Дивана» стихов на фарси. Родоначальник персоязычного крыла нашей литературы, которая более девяти столетий шла параллельным потоком национальной словесности на родном языке, начиная с XI века. Благо ли это обстоятельство, но благо – тема отдельного разговора, но это – историческая истина. Гатран из Тебриза – первопроходец».

Не знаю, как у вас, дорогие читатели, а у меня при чтении этих слов мурашки по коже бежали.

*«О, наперсник души, хлеб насущнейший мой,
Свет очей моих, равный с лучезарной луной,
Станом пике сродни, прядь волос – как аркан,
Ряд ресниц – стрел колчан, бровь – тугой тетивой,
Безудачность твою я понять не могу,*

*В этом городе я на службе тебе,
Вдосталь лиха хлебнул,
Хоть сподобил Аллах
В Шадибаде родиться меня.*

Последнюю строчку можно было бы считать доподлинным признанием поэта о месте своего рождения. Но, чтобы поздние неаргументированные версии не порождали определённых заблуждений, автор книги решает сопоставить все внушающие доверия источники. Так, мы узнаём о том, что Гаджи Халифа в трактате «Кашв аз-зунун» – «Раскрытие предположений» утверждает о том, что Гатран родился в Урмии, городе по ту сторону Аракса (Южный Азербайджан).

Есть источники, переносящие истинное место рождения поэта в Среднюю Азию. Довлетшах Самарганди в своей «Тазкирет уш-шуара» – «Антология о поэтах» представляет Гатрана уроженцем Термеза...

Мастер касыд Анвари Абиверди причислил Гатрана к уроженцам Гилана...Подчеркивая бездоказательность всех этих средневековых предположений, автор задаётся следующим вопросом: «Но что вы скажете на то, что уже в наши дни, в XXI веке появились фальсификаторы, пытающиеся вывести Гатрана Тебризи из истории азербайджанской поэзии, лишить его законного национального «паспорта»?

И тут мы узнаём о том, что на странице «Кавказская Албания-Лезгистан» втикнутого в Интернет провокационного сайта «Садвал», Гатран, как и Низами, Мехсети, именуется неазербайджанским поэтом, утверждается, что псевдоним поэта на лезгинском языке означает «Гызыл-гуш («Ястреб»)). Вот до каких дней мы дожили», – пишет Рафаэль муаллим.

Действительно, как говорится, дожили. И, должна заметить, именно от того, что многим из нас по разным причинам не известны не только жизнь и творчество, но даже имена наших талантливых средневековых соотечественников. Одной из веских причин является и то, что «ряд плодов пера Гатрана доселе не видел никто. Среди них произведение «Вамиг и Эзра», упоминаемое Довлетшахом. Он же упоминает о сочинении поэта «Гуш-наме» – «Книга о птицах». «Хафт игим» – «Семь климатов» Амина Ахмеда Рази (XVI век) сообщают о другом затерянном произведении Гатрана «Говснаме» – «Книга о радуге».

Тот же Рази говорит о четырёх других «месневи» поэта, написанных в четырёх различных ритмических размерах. И, судя по всему, он видел и читал эти произведения.

Как сообщает автор книги, Гатран пробовал свои силы и в составлении словарей. Название его труда «Ат-тафасир» – «Толкование» также в ряду не дошедших до нас сочинений Гатрана. А ведь это был первый толковый словарь персидского языка.

«Мухаммедали Тарбият (1875–1940), оценённый выдающимся иранским литературоведом Вахимом Дастгирди как «прочный связующий мост между классической наукой и знаниями нашего века», в работе «Данешмандан-е Азербайджан» – «Учёные люди Азербайджана» с гордостью заявлял о том, что словарь Гатрана Тебризи опередил своим появлением считающийся у персов современным и вершинным творением лексикографии «Мустешахадат» Асади, «Рисале» Абу Нафа Саади, книгу Анаэздина «Зубдат уль-луга» – «Квинтэссенция лексикона».

*И ужель безответность мой знак роковой?
Изболелся тоской я в разлуке вконец,
И текут мои слёзы горючей рекой,
Иль обиду таишь, мой всевластный султан,
Иль не стою уже милости никакой?*

*Ты дороже, чем жизнь, нет мне ближе тебя,
Жаль, что ты в сладкоречи не ровня со мной.*

Эту «трогательную исповедь» Абу Мансур Гатран Азербайджани, родившийся в 1012 году в селе Шадибад близ Тебриза, посвятил отнюдь не своей возлюбленной, как показалось и мне при первом же чтении этих певучих строк. Оказывается, поэт подразумевал правителя.

«Гатран превзошёл многих современников и потомков поэтическим мастерством и, увы, в приверженности этой верноподданнической традиции. Неужели он не мог предвидеть, что когда-нибудь эта верность одописца отодвинет в тень его самого?».

Далее мы узнаём о том, что поэт десятилетиями жил достатке и благоденствии. Однако памятные строки, с одной стороны сообщающие о его рождении в «городе радости» Шадибаде, с другой стороны дают понять и о существовании определённых проблем в его жизни.

Но где же запропастились эти труды Гатрана? Отвечая на этот вопрос, Рафаэль муаллим рассказывает о том, что в начале 80-х годов XX века принимал участие в конференции, проводившейся в Армении под патронажем Москвы. «Пользуясь случаем, я вторгся в матенадаранские заповедные раритеты под всякими резонными предложениями, и через долгую волокиту мне удалось просмотреть часть рукописей на фарси, арабском и турецком языках. Многие из них не изучены, не описаны, даже названия и содержание их неверно отражены в каталогах то ли по незнанию, то ли умышленно. Иные названия мне были знакомы по архиву Салмана Мумтаза. Каким образом? В 1956 году, с реабилитацией Салмана Мумтаза, в ряду жертв репрессий 30-х годов, при рассмотрении этого вопроса в КГБ, семья учёного обратилась с прошением об изъятии имущества. А какое имущество могло быть у Салмана Мумтаза. Он же все свои средства и достойные потратил на собрание редких книг и рукописей, объезжая города и весяи Азербайджана, Средней Азии, собирая по крохам жемчужины нашей истории... Представьте себе состояние шока, когда я увидел несколько из этих манускриптов, которые мы считали бесследно погибшими, в Матенадаране. Это были только те, которые попались мне на глаза. Выходит, дашнаки, затесавшиеся в 1930-1940-х годах в структуры Комитета государственной безопасности, не довольствовались пособничеством в ликвидации представителей нашей интеллигенции, но и переправляли тихой сапой наше культурное, литературное, историческое достояние в Армению...

В Матенадаране, наряду с несколькими неизвестными мне стихотворениями старинных азербайджанских поэтов, я обнаружил цикл касыд Гатрана Тебризи. М.Тарбият пишет, что воочию видел «Диван» поэта, состоящий из 12000 бейтов.... А ведь значительная часть касыд Гатрана долгое время приписывалась Рудаки. Вплоть до XIX века».

Азербайджанский тезкирист Рзагулухан Хидаят в своей антологии «Маджма уль-фусаха» – «Сборник красноречивых» занимался не только собирательством, но и исследованием собранных текстов. Гатран, по его мнению, «звезда, блистающая выше ярчайших, дарующая свет».

Именно Рзагулухан впервые доказал, что «Диван» Рудаки, изданный в Индии литографическим способом, в действительности принадлежит Гатрану Тебризи. И в качестве доказательства он приводил, прежде всего, самый очевидный аргумент, – большинство касыд, приписываемых Рудаки, посвящено правителям Азербайджана, жившим много позднее. А Гатран был их современником и пользовался их благоволением.

«Диван» поэта, которому при жизни завидовали многие из стихотворцев, считая его счастливецом, утвердился в мире как творение Гатрана лишь в 1955 году благодаря азербайджанскому учёному Мухаммеду Али Нахчывани. И весь этот сборник состоит из хвалебных од посвящённых венценосным правителям.

Из этой главы мы узнаём и о том, что современники Гатрана – поэты и учёные высоко оценивали его творчество.

Так Рашиддин Ватват (1080–1178), прославившийся непревзойдённым средневековым стиховедом в трактате «Хаданг усихр фи дагаиг уш-шиир» – «Волшебные

кущи тонкостей поэзии», ведя речь о самых искусных чудесах стихотворчества, четырежды приводил примеры из Гатрана Тебризи. «Среди виденных мною на веку поэтов я знаю Гатрана как основного поэта, а остальные суть не посвящённые в поэтическую науку, а наделённые страстью стихотворства». Не менее красноречива и оценка другого знатока поэзии – Мухаммеда Оуфи (умер в 1227 году): «Все поэты – капли, а Гатран – море. Прочие поэты – частички, а он – Солнце. Его стихи по художественности, по изяществу превосходят всех».

Одарённого Всевышним великим поэтическим даром Гатрана «шахский двор любил и жаловал. По уму, способностям, по блистательному стихотворству он заслуживал первенства и среди мастеров слова, и среди обласканных царедворцев-надимов, – пишет о нём автор книги на 114-й странице. Здесь же сообщается о том, что «в первом ознакомительном послании Эмиру Мамлану (объекту его многочисленных од в будущем), Гатран заверяет правителя в том, что готов воспеть венценосца на уровне, который недостижим никому, не забывая сообщить и о своём личном чаянии:

*Хоть никогда не видел твоего лица,
Нет в мире равного, как я, тебе певца.
Эмиры подарили мне селенье,
И там лишь я один – всё население.
Пока – моё, а завтра – не моё.
Кому-то горлу попережёт моё житьё!
Тебе, эмир скажу беду свою,
Но не ущерб кому-то говорю,
Творец благою вестью чтим и зван.
Тебе нет равных в щедрости, Мамлан!*

Чего только не сделаешь, чтобы не впасть в немилость власть предержащих, подумалось мне при чтении этих строк. Однако, как пишет автор на 116-й странице своей книги, мудрецы чётко различали хвалу и подобострастие. «Жань Поль (1763-1825) писал:

«Лстить легко, восхвалять трудно». В отличие от заурядных одописцев Гатран умел возвышать лесь до уровня искренней хвалы».

На следующей странице мы узнаём о том, что персидский «Диван» Гатрана Тебризи в 1967 году издал в Баку, переведя его всецело на азербайджанский язык, известный востоковед Гуламгусейн Бегдели.

«Эти стихи теперь имеют ценность, как исторический источник для определения и уточнения отдельных вех истории Азербайджана XI столетия, биографий ряда династий, правителей... В этих стихах нет сердца. В этих стихах реальная жизнь проступает как тень, маячащая вдалеке».

Наряду с хвалебными одами у поэта «немало поэтических гимнов, восторженных песнопений во славу весны, когда воспламеняется кровь от любовного томления, «половодья чувств. Вот «Бахарийя» Гатрана Тебризи:

*... Ветер – конь твой торопливый, лоно – океан буриливый,
Или вьсь небес привольных, или даль лугов раздольных,
Разудорила деревья ты жемчужною обновой,
Разодела сад, лужайку ты одеждой бирюзовой.
Я в разлуке по любимой от тоски горю, пылаю,
Сердцем любящим рыдаю, и печальюсь, и страдаю,
Сердце – дом любовной страсти, лучезарная невзгода,
Дверь запри – свеченье сердца изойдет из дымохода.*

Обратим внимание и на сообщение Рафаэля муаллима о том, что «Гатран обретался в Тебризе, побывав в Нахчыване, посещал Гянджу. Ходил по свету, не оставляя пера. Он был мастером своего дела. Приблизительно в 1033-1039 года он проживал в гянджинском дворце арранского правителя Эмира Абульгасана Али Лашкари Шаддади, посвятил ему цикл касыд. Когда же он вернулся в Тебриз, ему предстала трагическая картина: разрушительные следы разразившегося землетрясения, после которого «опрокинулась твердь, всё предстало верх дном», а одним из разрушенных чертогов был и дом самого поэта.

В завершение этой главы академик Рафаэль Гусейнов пишет о том, что в преклонные годы у Гатрана Тебризи вырывалось слёзное признание:

*«Птица верности Умай мир покинула земной,
Где свила гнездо себе, где нашла приют какой?
Буря горя развернула, разрывая паруса.
И в руинах Голистан мой, распроваживший с душой.*

«Это был финал. Старый поэт, ещё живший воспоминанием былой славы, но уже согбенный годами, был сродни оглохшему песнопевцу.

Уже дворцы не радели об обессилевшем поэте. Там чаили энергичного, полного сил трубадура. Гатран, ошибившись адресом своей любви и вдохновения, посвятивший своё перо иллюзорному блеску золотых корон, на закате дней мечтал о верности, тревожился об улетевшей птице Умай, символе своей судьбы, о том, где она обретёт приют и причал. Приюта не было».

Но разве не эта волшебная птица донесла на своих крыльях до наших дней страницы долгой жизни Гатрана Тебризи, целиком и полностью посвящённой творчеству, которое восхищает своей уникальной самобытностью, богатством слога и образов, созданных пером непревзойдённого мастера слова в таком далёком от нас XI веке...

Продолжение следует.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.